

— Похоже, мы нашли разные ямы, так что давай разойдемся, — ответила Цай Сяовэнь.

— На самом деле, можно... можно... и... вместе... пойти, — Су Ю помахала вслед удаляющейся фигуре подруги, но, видя, что та не оглядывается, разочарованно опустила руку... — Ой! Горячо! — она случайно хлопнула ладонью прямо по своему завтраку.

К полудню Су Ю повезло найти отличную глину цзыша. Наполнив бамбуковую корзину, она больше не стала задерживаться и, взвалив на плечи тяжелую ношу, отправилась обратно по той же горной тропе. Дойдя до последнего высокого склона перед спуском, она сбросила корзину, чтобы немного передохнуть. Достав из-за пояса платок, она тщательно вытерла пот со лба и уже потянулась к бамбуковому тубусу с водой, но вдруг замерла, так и не поднеся его к губам. Ее взгляд скользнул по извилистой тропе вниз, к каменистому берегу у подножия горы.

Цай Сяовэнь лежала на большом валуне у ручья и рыбачила. Подложив руку под голову и согнув одну ногу в колене, она заправила край подола за пояс. Удочка, зажата в руке, лениво покачивалась над водой. Эта беспечная поза заставила сердце Су Ю дрогнуть. Она торопливо запихнула платок за пояс, нашла ровный камень, достала брусок сухой туши и, смешав ее с водой из тубуса, начала растирать. Затем, приспособив большую корзину вместо стула, она открыла папку с бумагой, взяла кисть и, обмакнув ее в тушь, принялась быстро набрасывать рисунок.

На бумаге оживали черты Цай Сяовэнь: ее тонкие брови, изогнутые глаза, непринужденная поза и даже зевот, который она как раз собиралась подавить.

Ранее, не найдя глины в небольшом каменном карьере и чувствуя ноющую боль в теле, Сяовэнь решила оставить поиски и вернуться к ручью, чтобы перекусить. Под большим камнем уже лежали две выпотрошенные и вымытые рыбины. Сяовэнь убрала удочку, развела костер и, заострив две ветки, нанизала рыбу. Маленького караса она положила ближе к огню, а крупного змееголова — чуть поодаль. Только она закончила, как услышала шаги за спиной. Оглядываться не было нужды — она знала, кто это.

— Старшая сестра уже вернулась? Нашла глину?

Су Ю уставилась на рыбу у костра, облизнулась, поставила корзину и села рядом. Кожица караса начала золотиться, источая аппетитный аромат. Видя, что Су Ю не сводит глаз с рыбы, Сяовэнь осторожно предложила:

— Давай поедим вместе? — Сказав это, она вспомнила, что Су Ю обычно растягивает одну жареную курицу на весь день, и поняла, что вопрос был глупым. Но к ее удивлению, Су Ю сразу кивнула и подвинулась ближе.

Э? А как же та курица? Сяовэнь засомневалась, но спрашивать не стала, а лишь уверенно добавила:

— Ты съешь одну, я — другую.

— Угу! — Су Ю потянулась к карасю, но Сяовэнь перехватила его первой. — М?

— У карася много костей, ты ешь ту, горную рыбу, — Сяовэнь воткнула карася в расщелину камня, взяла большую рыбину и пояснила: — В этой рыбе мясо жирное, ее нужно сначала долго держать вдали от огня, чтобы вытопился жир и пропитал кожицу, а потом уже поджаривать на сильном огне. — С этими словами она поднесла рыбу прямо к языкам пламени, словно окунув ее в огненный шар. Когда она вытащила ее обратно, рыба была золотистой и невероятно ароматной. Сяовэнь протянула ее Су Ю и улыбнулась: — Эта рыба очень свежая, и костей почти нет, ешь смело.

Обе рыбины быстро исчезли. Су Ю, не до конца насытившись, вытерла рот платком, встала, открыла свою корзину, достала большой кусок глины цзыша и положила его в пустую корзину Сяовэнь.

Сяовэнь, закатав штанины, как раз плескала воду из ручья, чтобы погасить костер. Увидев этот жест, она замерла, стоя в воде:

— М?

— Красная глина цзыша, — Су Ю отряхнула руки от остатков земли и улыбнулась: — В благодарность за ту рыбу.

Сяовэнь глупо хихикнула и попыталась отказаться:

— Да разве за рыбу нужно благодарить...

— Я хочу заключить с тобой пари. Через несколько дней Дунчжи. Старший брат по традиции пригласит наши семьи к себе на обед. Давай за эти дни каждая сделает чайник из глины цзыша. В день праздника мы дадим твоему отцу и моей матери оценить, чей лучше. До этого момента показывать им ничего не будем, а достанем прямо за столом. Кто сделает лучше, тот и выиграл. Что скажешь?

Сяовэнь задумалась и спросила:

— Какой будет приз?

— Я еще не придумала. Решим позже. Смеешь поспорить?

Сяовэнь, боясь, что отказ примут за трусость, поспешно ударила себя в грудь:

— Спорим, так спорим! — На душе у нее стало легко: выходит, старшая сестра вовсе не презирует ее, а считает достойной соперницей.

Су Ю снова забрала кусок глины из корзины Сяовэнь, положила его обратно в свою и, взвалив корзину на спину, скомандовала:

— Пошли обратно. Тебе больше не нужно искать глину.

Сяовэнь снова не поняла:

— Ты же хотела подарить мне ее? Почему забрала?

— У тебя же болит после падения, так что я пока понесу ее за тебя.

Старшая сестра... а ведь она на самом деле неплохая... — Сяовэнь смотрела на спину Су Ю, чувствуя, как рушатся ее прежние предубеждения: — Она такая добрая...

— Маленький Комар, ты еще долго будешь стоять? Не холодно в воде?

— Кто это Маленький Комар! — Хм! И правда, та еще вредная Помело! — Сяовэнь схватила обувь и носки, подхватила корзину и побежала догонять Су Ю...

Снова мерцает лампа, комната полна ароматом чая.

Фэнлин поставила горячий цветочный чай рядом с Су Ю и унесла пустую тарелку из-под сладостей. Затем, как и каждый вечер, она села напротив и при свете лампы принялась за шитье. Устав продевать нитку, она подняла голову, потерла глаза и увидела Су Ю, чьи губы подергивались в легкой улыбке.

— Барышня, можно задать вам один личный вопрос?

— М-м. — Су Ю, прислонившись к столу, подперла щеку кулаком, а в левой руке держала несколько листов бумаги. Она не сводила глаз с рисунков, не переставая улыбаться. Длинные волосы мягко спадали на стол. Черные пряди, белая кожа, мерцание свечи... Красавица с рисунком в руках сама стала похожа на картину.

— Вы что, решили нарисовать целую книгу о взрослении Цай Сяовэнь?

Су Ю отложила листы, которые постоянно пересматривала, и улыбнулась Фэнлин:

— Ты не понимаешь, в чем прелесть младшей сестры Сяовэнь.

Фэнлин отложила рукоделие, подалась вперед и взяла один из рисунков:

— Если память меня не подводит, это было в канун Нового года позапрошлого года. Сяовэнь пришла к нам поздравлять, вызвалась зажечь большую петарду, а потом сама же испугалась грохота и расплакалась.

На рисунке Сяовэнь была еще совсем юной, в праздничном красном ватнике, сидящей на корточках рядом с взорванной петардой и заливающейся горькими слезами.

— Ха-ха, — Су Ю не смогла сдержать смеха, забирая рисунок: — Она больше всего на свете боится громких звуков. С тех пор она к петардам не приближается.

Фэнлин взяла другой лист:

— А этот. Ее первый год на выставке керамики. Эта странная чаша... я до сих пор помню. — Фэнлин была грамотной и вела себя совсем не как служанка. — Помню, как она злилась, когда в конце концов разбила ту чашу. Ха-ха.

На этом рисунке Сяовэнь выглядела почти так же, как сейчас, сжимая в руках керамическую чашу и улыбаясь так, что глаза превращались в узкие щелочки. Сама чаша напоминала буйвола, опустившего голову к воде, а рога, выступая за края, служили двумя небольшими ручками.

Су Ю взяла рисунок, внимательно рассмотрела чашу и покачала головой:

— Это вы не принимаете такие оригинальные формы. Сяовэнь всегда проигрывает из-за этого. У нее техника лепки выше моей. И формы необычные, с изюминкой. Жаль, что никто не ценит... — Она собрала все рисунки с Сяовэнь в одну стопку, сверху положив сегодняшний набросок с рыбалкой. Она долго и задумчиво смотрела на зевающую Сяовэнь, а потом подняла взгляд на Фэнлин, которая снова уткнулась в работу. Выражение лица Су Ю стало серьезным.

— Фэнлин?

— Да?

— Как ты думаешь... то, что я так забочусь о Сяовэнь, это... не слишком ли... неуместно?

— Неуместно? — Фэнлин с удивлением посмотрела на Су Ю. Увидев, что та говорит искренне и совсем не шутит, она удивилась еще больше: — О чем ты?

Су Ю закусила губу, сцепила руки и некоторое время нервно перебирала пальцами:

— Ну... как сказать... эм... в общем... — Фэнлин отложила работу, сосредоточенно ожидая продолжения.

Под ее взглядом Су Ю еще больше смутилась, щеки ее слегка покраснели:

— В общем... когда я вижу ее, я всегда чего-то жду... а если с ней случается что-то неожиданное, мне сразу хочется это нарисовать!

— ...Да ты просто ждешь, пока она попадет в неловкую ситуацию, чтобы позлорадствовать...

— Нет! — Су Ю энергично замотала головой, краснея еще сильнее: — Я сама не могу толком объяснить...

Фэнлин взяла ножницы и, продолжая работу, усмехнулась:

— Уместно. Очень даже уместно.

— Правда?! Значит, это нормально! — Су Ю сжала кулаки и с облегчением выдохнула.

— Угу... она ведь твоя милая младшая сестра... — Фэнлин едва заметно улыбнулась, вложив в эту улыбку глубокий смысл.

— Именно! Так и есть! — Су Ю радостно отбросила сомнения и переключилась на дела Фэнлин: — Ты шьешь мне носки?

— Мечтай. Это для Таньюань.

— Почему опять Таньюань... почему каждый раз, когда я о чем-то мечтаю, это оказывается не для меня...

— В прошлый раз ты подарила ей обувь, а когда она ее сняла, я увидела, что носки у нее совсем прохудились...

Не успела она договорить, как дверь распахнулась и в комнату, ворвавшись вместе с порывом холодного ветра, вошла госпожа Су. Она схватила Фэнлин за руку и потянула на выход:

— В маджонг не хватает одного игрока, дело срочное, как пожар!

Уже у самой двери госпожа Су вспомнила кое-что, остановилась и спросила Су Ю:

— Ты свободна в день Дунчжи?

Су Ю кивнула:

— Свободна. Чиновники приедут на днях, к празднику уже все уладят. О делах нашей лавки и говорить нечего — на большой печи мастера работают посменно, мне там быть не обязательно.

— Вот и хорошо. Господин Цзыинь пригласит нас и семью Цай на обед, отлично, что ты свободна. — Она повернулась к Фэнлин: — Цзыинь сказал, что в этот раз праздничный ужин готовят он, Су Ю и Маленький Комар, так что ты и маленькая Таньюань из семьи Цай можете просто прийти к готовому.

— Мама, ее зовут Цай Сяовэнь, — Су Ю подошла и еще раз серьезно поправила мать.

Фэнлин была так рада, что потеряла бдительность:

— Правда! Как здорово, Маленький Комар готовит вкуснее меня!

— Ее зовут Цай Сяовэнь.

— Точно, я до сих пор помню ту свинину на пару, которую в прошлый раз приготовил Комар... Не то что наша Су Ю, только и умеет, что есть.

— Мама, ее зовут Цай Сяовэнь...

Фэнлин вдруг хлопнула Су Ю по плечу и с улыбкой посмотрела на нее:

— Ты ведь сама называла ее Маленьким Комаром. Что, только тебе одной можно так ее звать?

— Сказав это, она убрала руку и провела указательным пальцем по своим губам.

Су Ю вздрогнула, словно от укола иглой, и в ее глазах на мгновение мелькнула боль. Она молча вернулась к столу, сложила рисунки в деревянную шкатулку и спрятала ее на самое дно книжного сундука...

Хотя эта ночь прошла беспокойно, пари с Сяовэнь никто не отменял. До Дунчжи оставалось совсем немного, и, чтобы сделать хороший чайник, нужно было начинать немедленно.

У Су Ю дома не было печи для обжига. Керамику, которая продавалась в лавке, обжигали большими партиями в общей печи, и Су Ю обычно в этом не участвовала. Изысканные изделия

для чиновников и образцы новых форм она обжигала сама в своей маленькой печи. И большая, и малая печи находились за городом. Дома Су Ю не могла закончить ни одного изделия, но некоторые важные этапы, например, лепку, можно было подготовить заранее.

Глина цзыша еще сохла, рассыпаясь на крупички. Су Ю решила сначала потренироваться на обычной глине. Это сэкономит время и поможет избежать порчи дорогого материала. С лампой в руках она направилась в самую дальнюю и уединенную постройку во дворе — свою мастерскую. Кроме длинного деревянного стола и кресла из красного дерева, другой мебели там не было. У стен стояли три длинных деревянных стеллажа, заставленных керамикой самых разных форм, цветов и размеров. Что-то было готовым, что-то — лишь наполовину, а остальное покрылось толстым слоем пыли от долгого простоя. Каждая деталь здесь была создана руками Су Ю. Заходя сюда, она чувствовала себя как в собственном мире, где ей было бесконечно легко и спокойно.

В комнате не было окон, поэтому, заперев дверь, она оказывалась в полной изоляции. У каждого мастера есть свои секреты. Разница в мастерстве кроется наполовину в обжиге, наполовину в технике. Поэтому, кроме госпожи Су и самой Су Ю, в эту мастерскую никто не смел входить.

Су Ю поставила лампу на стол и повесила тяжелую зимнюю одежду на спинку кресла. Затем она открыла огромный деревянный сундук — свою сокровищницу с десятками инструментов для лепки.

Закатав рукава, она достала все необходимое и разложила на столе. Сейчас большинство мастеров пользовались простейшими инструментами, обходясь одним-двумя приспособлениями. Например, ее учитель, великий мастер из Исина, мог создать изысканный чайник одним лишь бамбуковым ножом. Су Ю владела этим мастерством, но стремилась к совершенству.

Гончарный круг, деревянный станок, колотушки для пластов глины, короткие дощечки из красного дерева, бронзовый циркуль, роговые пластины для шлифовки краев, деревянные иглы с круглым наконечником... Все эти приспособления из дерева, бамбука, железа, меди, рога и кожи были результатом многолетних трудов госпожи Су и ее самой. Они не предназначались для чужих глаз.

Су Ю только собралась взять глину, как снаружи раздался голос Фэнлин:

— Барышня! Пришли гости!

— Ты же знаешь, что когда я в мастерской, я никого не принимаю!

— Но... это люди из уездной управы, говорят, приехали чиновники. Просят вас немедленно выйти.

— Чиновники приехали? Но они должны были быть здесь только завтра или послезавтра... — Делать было нечего. Су Ю пришлось убрать инструменты, погасить лампу, переодеться и выйти. От чиновника, пришедшего за ней, она узнала, что в этот раз приехал не старый знакомый господин Чжоу, а его сын — господин Чжоу-младший. Он был совсем молод, впервые отправился в дальнюю поездку из столицы и очень хотел достойно выполнить поручение отца, поэтому гнал лошадей без отдыха и прибыл раньше срока.

Су Ю все поняла, но не придавала этому большого значения. Смена заказчика — дело обычное. Хотя с господином Чжоу они были хорошо знакомы и всегда работали без ошибок, сын — это тоже член семьи, должно быть, все пройдет хорошо.

Так думая, Су Ю вошла в гостиную почтовой станции. Она увидела мужчину в темно-зеленом шелковом халате, который стоял спиной к двери и рассматривал картину на стене. Поняв, что это и есть господин Чжоу, она склонилась в поклоне:

— Господин Чжоу, приветствую вас.

Услышав мелодичный женский голос, молодой человек поспешно обернулся. Взглянув на девушку, он в изумлении замер, его сердце бешено забилося, словно стрела пронзила его чувства. Он не решился пристально рассматривать ее черты, но даже беглого взгляда хватило, чтобы понять — она невероятно красива. В желтом халате с синим поясом, она стояла с такой грацией, что у него перехватило дыхание. Он знал, что придет наследница керамической лавки по имени Су Ю, но не ожидал, что этот молодой мастер окажется такой прекрасной женщиной. Изначально он планировал задержаться в Юйфэне всего на день, так как главной целью его поездки была керамика в следующем городе, а здесь он должен был лишь закупить немного изделий. Но теперь он твердо решил задержаться в этом городе керамики на несколько дней.

Господин Чжоу чувствовал, что с ним творится что-то неладное. Каждое слово этой девушки действовало на него как мягкая кисточка, ласкающая сердце. В груди разливалась такая приятная истома, что он не знал, куда деть руки, и просто держал их на коленях, сидя по стойке смирно. Он даже порадовался, что надел сегодня свой лучший халат, в котором выглядел особенно представительно.

Су Ю оказалась именно той идеальной девушкой, о которой он всегда мечтал. Он вырос в богатой семье, где родители души не чаяли друг в друге, а братья и сестры жили в согласии. Сам он был красив, галантен, и в его жизни почти не было печалей. Из-за достатка и гармонии в доме он был очарован прекрасными историями из книг и пьес, рисуя в воображении образ идеальной избранницы. Ему не нравилась дочь чиновника, которую присмотрели для него родители — после чаепития она постоянно икала, и от одного воспоминания об этом у него начинало першить в горле. А Су Ю, одетая в изысканный зимний наряд, с шеей, укутанной в белоснежный меховой воротник, пила чай бесшумно, говорила элегантно, и, будучи мастером керамики, обладала таким глубоким книжным духом, что казалось, она с детства была погружена в чтение. Но главное — она была невероятно красива.

Слушая ее подробный рассказ об образцах керамики, Чжоу представлял, как эти изящные изделия рождаются под ее белоснежными пальцами, и это приводило его в еще больший восторг. Такая женщина — молодая, красивая, с утонченным вкусом и талантом, способная управлять семейным делом. Просто совершенство!

Думая об этом, он изо всех сил старался улыбаться как можно мягче, надеясь произвести впечатление воспитанного человека. Он так старался, что чуть не пропустил момент, когда нужно было договориться о следующей встрече. Он выкладывался на все сто, даже не подозревая, что, как только Су Ю вышла за ворота станции, она уже едва помнила его лицо... Все ее мысли были заняты чайником из глины цзыша для пари с Цай Сяовэнь...

Незаметно настал день Дунчжи. Мастер Цай специально встал пораньше и сразу после полудня прибыл в дом своего ученика Мэн Цзыиня. Цзыинь был его старшим учеником, жил в достатке и имел небольшой, но крепкий дом. Мастер Цай не стал ждать, пока его объявят, и сразу вошел в главный зал. Едва переступив порог, он увидел госпожу Су, сидевшую на почетном месте и попивающую чай. Лицо мастера Цая мгновенно почернело.

Мэн Цзыинь беседовал с госпожой Су, но, увидев учителя, поспешно встал и пригласил его на второе почетное место. Мастер Цай плюхнулся на стул, искоса взглянул на госпожу Су и протянул принесенное с собой вино ученику.

— Я-то думал, что пришел первым. Не ожидал, что кто-то окажется нетерпеливее меня и займет главное место.

Госпожа Су все прекрасно расслышала, поставила чашку и с мягкой улыбкой ответила мастеру Цаю:

— Младший брат, главное место занимает не тот, кто пришел первым, а тот, кто старше по положению. Ты... как ты должен меня называть?

Мастер Цай должен был называть госпожу Су старшей сестрой. На самом деле она пришла в школу лишь на три дня раньше него, но по правилам даже один день разницы делал его младшим братом. Так госпожа Су стала старшей сестрой на всю жизнь и всю дорогу помыкала им. Видя, что она снова использует этот статус, чтобы давить на него, он с раздражением и сарказмом буркнул:

— Старая карга из семьи Су.

— Старик Цай, при младших ведешь себя совсем как бесстыдник! — госпожа Су пришла в ярость. Как всегда, стоило мастеру Цаю открыть рот, как у нее закипала кровь.

Мэн Цзыинь, видя, что они снова готовы сцепиться, встал между ними и замахал руками:

— Сегодня Дунчжи! Отдохните вы... выпейте чаю, съешьте сладостей, это куда лучше... Ха-ха, садитесь спокойно, я должен оказать вам почтение. — Он сделал несколько шагов назад, чинно опустился на колени и сначала поклонился госпоже Су: — Старшая наставница, желаю вам здоровья. — Затем повернулся к мастеру Цаю: — Учитель, желаю вам здоровья.

— Вставай, Цзыинь. — Увидев, что ученик сделал, они не смогли продолжать ссору и с улыбкой подняли его. Мэн Цзыинь неловко рассмеялся и спросил госпожу Су: — Когда придет младшая сестра Су Ю?

— Она с Фэнлин пошла на ярмарку, скоро будут. — Госпожа Су повернулась к мастеру Цаю, выгнула губы и с насмешкой спросила: — Сяовэнь снова на театральной площади?

<http://bllate.org/book/18936/1855594>